

Жизнь, отданная детям...

Януш Корчак. Когда я снова стану маленьким. Повести. Перевод с польского Кинги Сенкевич. Под редакцией А. Исаевой. Предисловие Веры Смирновой. Москва, Детгиз, 1961. 253 стр.

Все наши дети, а также каждый из тех, кто растит и воспитывает их, непременно должны знать об этом человеке и прочесть созданную им глубоко поэтичную, проникновенно мудрую книгу. До сих пор только одна его сказка, изданная в Польше на русском языке, стала достоянием наших маленьких читателей. Между тем еще Надежда Константиновна Крупская писала в предисловии к его педагогической книге, переведенной в Советском Союзе в 1924 году:

«Я думаю, что каждому педагогу надо прочитать книжку «Как любить детей». Книга эта способна заставить задуматься над очень многими вопросами, заставить внимательней присмотреться к очень многим явлениям в жизни детских домов, повнимательней отнестись к психике живущих в них ребят».

В Польше жизнь и имя этого чудесного человека окружены легендами, в которых, впрочем, нет почти никакого вымысла. Януш Корчак и на самом деле был таким добрым, таким бесстрашно справедливым, таким любимым ребятами чародеем, как об этом повествуют восторженные легенды.

Его звали—Генрик Гольдшмит, но на обложках его повестей, сказок и педагогических трудов стоит имя Януша Корчака. Под этим именем и знают его в Польше все — и стар и млад. Это имя начертано на мемориальной доске бывшего «Дома сирот», созданного им. «Здесь жил и самоотверженно работал воспитатель детей д-р Януш Корчак. Погиб смертью героя, замученный гитлеровскими фашистами...»

Януш Корчак. Так написано и на пестрой обложке книги его повестей, только

что выпущенной в свет Детгизом. Теперь тысячи и тысячи советских ребят поражаются ласковым — то веселым, то печальным — повестям, рассказанным доверчивым, но взыскательным и уважительным голосом старшего друга. Те же, кто еще раньше читали знаменитую повесть-сказку «Король Матиуш Первый» (по ней, кстати, поставлен в Польше полный лиризм и юмора фильм), еще раз с радостью вслушаются в добрый, полный каких-то скрытых волшебных интонаций, голос Корчака, который так явственно и сердечно звучит и в повестях «Когда я снова стану маленьким» и «Слава», в небольшой, написанной прозрачными, как бы акварельными тонами повести «Лето в Михалувке».

Произведения эти несколько разнятся друг от друга по авторской манере, но все они, словно лучом прожектора, пронизаны удивительной верой в чистоту и величие детской души. За бережное и требовательное доверие к ребенку, из которого, как убежден автор, должна в соответствующих условиях вырасти полноценная человеческая личность, и ратует каждая строка этой книги.

Не место здесь пересказывать содержание повестей Януша Корчака. Советские читатели — большие и маленькие — сами познакомятся с невеселой жизнью семьи бедняков, мыкавшей горе в прежней Польше, узнают смешные, трогательные и поучительные приключения в летней колонии в Михалувке, поймут, в чем суть основных педагогических воззрений детского доктора, учителя и писателя, которые он образно изложил, рассказав, как сам «снова стал маленьким».

Советская исследовательница литературного и педагогического наследия Корчака Е. Л. Мойтлис поделилась со мной как-то воспоминаниями о встрече с писателем — еще до войны будучи молодой учительницей она слушала его лекции в Польше.

«Скромно одетый, небольшого роста, с добрыми, ясными глазами... Он говорил просто, без пафоса, но очень убедительно, — рассказывала Е. Мойтлис. — Он приводил примеры из разговоров взрослых с детьми. «Кого ты больше любишь — папу или маму?» Этот бессмысленный вопрос обычно задают детям. А почему не спросить ребенка: «Умеешь ты прыгать на левой ноге? Как зовут твою куклу?» Ведь говорить с детьми надо на темы, их интересующие».

И маленький читатель повестей Корчака сразу, с первой же строки, ощутит, что с ним беседует старший друг, хорошо знающий его сокровенные мысли, вместе с ним интересующийся и искусством прыганья на левой ноге, и игрой в куклы и мяч, знающий толк в ребячьей мечте, а если надо — и в драке. Старшему другу и самому интересно разговаривать с маленьким читателем, и читателю трудно оторваться от страниц книги этого «настоящего доброго волшебника из детской сказки», как очень правильно назвала Януша Корчака Вера Смирнова в своем предисловии.

Писатель, наделенный вечно юной фантазией, опытный воспитатель, во многом единомышленник Макаренко, которого он так ценил, Корчак никогда не пытался назойливо влезть в тайники детской души. Нет, он постигал полностью их секреты потому, что умел разделять все радости и невзгоды своих питомцев, был неизменно и во всем честен с ними, питал такое же, как и они, отвращение к любым компромиссам с совестью. Он хорошо ощущал повелительную силу игры, вымысла, воображения — без

них так пустынно и скучно было бы детство. Понимая, как не терпят ребятам поскорее вырасти большими, он в своей повести «Когда я снова стану маленьким», силой волшебства вернувшись в детство и как бы обретя право говорить о себе уже с позиций сверстника своих читателей, признается: «Знал бы, ни за что бы не хотел стать взрослым. Ребенку во сто раз лучше. Взрослые — несчастные. Не правда, будто они делают что хотят. Нам еще меньше разрешается, чем детям. У нас больше обязанностей, больше огорчений... Мы уже не плачем — это правда. Мы только тяжело вздыхаем...»

И вот для того чтобы жизнь стала лучше и для больших и для маленьких, чтобы она была светлее, радостнее, надо уже и детей воспитывать с малых лет так, чтобы из них получились хорошие, счастливые взрослые.

Его маленький «Король Матиуш», бунтарь с горячим чистым сердцем нормального мальчишки, попытался в своем королевстве провозгласить и утвердить законы элементарной справедливости, отвечающие простой детской логике, порядку наивного добросердечия, столь естественные для представлений любого здорового ребенка, однако так часто и жестоко попираемые в старом мире взрослых. Но у сказки печальный конец. Король Матиуш Первый

терпит горькое поражение в неравной борьбе...

Погиб, трагически оставаясь верным своим идеалам, и сам автор «Короля Матиуша Первого» и повестей «Когда я снова стану маленьким», «Лето в Михалувке», «Слава» и многих других умных книг.

История героической смерти Януша Корчака известна. Но все же я еще раз напомню о ней, приведя строки из предисловия В. Смирновой: «Детей приказано было приготовить к отъезду, они не понимали, что их ждет, «доктор» сказал им, что они поедут в деревню. «Доктор» дал им спокойно доесть свой последний завтрак... вывел их из дома, построил в пары. «Доктор Гольдшмит, как государственный служащий, может остаться», — сказали ему в последний момент».

Но он отказался. Вместе с детьми он прошел в последний раз по улицам Варшавы. На вокзале их ожидал поезд, на котором всех питомцев «Дома сирот» отправляли в фашистский лагерь уничтожения — Треблинку. Здесь снова Корчаку дали возможность спастись. Комендант поезда, читавший в детстве Корчака, захотел спасти любимого писателя.

«— А дети? — спросил Корчак.

— Дети поедут...

— Ошибаетесь... Не все негодяи!.. — сказал Корчак».

И отправился вместе со

своими питомцами на гибель...

Каждый, кто любит детей, солнце и правду, кто понимает ласку матери и радость ребенка, будет читать эту книгу с благодарностью и счастливой улыбкой. И у каждого, в ком есть живое сердце, оно содрогнется от ужаса и обольется кровью от гнева, горячи и боли за убитого фашизмом чудесного человека, полного деятельной веры в подрастающее поколение, полного страстного чувства интернационализма.

«...короткое, незаметное польское слово «смутно» и по-еврейски тоже значит «грустно».

И когда польскому или еврейскому ребенку плохо жить на свете, они думают об этом одинаково, одним и тем же словом «смутно». Так заканчивается одна из глав «Лета в Михалувке».

Всю свою жизнь от первого сознательного дня до смертного часа, все свое творчество от первой до последней строки Януш Корчак отдал тому, чтобы всем детям на земле не было «смутно».

Мне кажется, что даже самый закоренелый мизантроп, если сыщется таковой среди наших читателей, упади ему в руки книжка Януша Корчака, снова поверит и в стойкость доброго человеческого сердца и в силу бесстрашной человеческой совести.

Лев Кассиль